

ВИТАЛИЙ МАЛЬКОВ

УТРО СТЕПАНЫЧА

РАССКАЗ

Май близится к завершению, и рассвет приходит совсем уже рано, топясь сделать город краше и торжественней — щедро залить его улицы и площади солнечным светом, пустить весёлые блики по крышам и окнам домов, прояснить ещё сонные лица первых прохожих.

Степаныч, который и в молодости-то не был любителем долгого сна, самостоятельно пробуждается, едва только небо за окном начинает сереть. Он долго разминает руками худое, жилистое тело, избавляя от боли суставы, потом встаёт, кряхтя и вздыхая, и идёт покурить на балкон. Курит он “Приму” без фильтра, потому как она подешевле, да и не прельщают его другие сигареты — нет в них приятной крепости, продирающей лёгкие до хриплого кашля.

Утро свежее и безоблачное, воздух ещё не испорчен бесчисленными машинами и вдыхается легко. Степаныч прикуривает от спички, делает глубокую затяжку и заходится кашлем, который слышен особенно громко и далеко в тишине двора. В груди дерёт, будто кошки скребутся, но это и хорошо, это значит, что жизнь продолжается. Когда разменян шестой десяток,

МАЛЬКОВ Виталий Олегович родился в 1972 году в городе Артёмовск Донецкой области. Окончил Сибирскую государственную геодезическую академию (СГГА). Прослужил 15 лет в Уголовно-исполнительной системе, капитан внутренней службы в отставке. Публиковался в журналах “Наш современник”, “Роман-журнал XXI век”, “Знание-сила: фантастика”, “Воин России”, “Подъём” (Воронеж), “Звонница” (Белгород), а также в альманахе писателей Югры “Эринтур” и в разных коллективных сборниках. Автор четырёх книг прозы: “Продавец книг” (2011), “Срок” (2015), “В пекле Огненной дуги” (“Яуза”, 2018), “Звездоджитель”. Рассказы В. О. Малькова переведены на арабский язык и опубликованы в Сирии. Член Союза писателей России. Живёт в Белгороде.

начинаешь ценить такие моменты — сколько их ещё осталось, один лишь Бог ведаёт...

— Ядрёные, — прокашлявшись, хвалит сигареты Степаныч. На его морщинистом лице довольство. — Заразы.

Живёт он одиноко и просто, без всяких бытовых и мебельных излишеств. Квартирка его однокомнатная — в обшарпанной пятиэтажке, купленная без малого три десятка лет назад. Тесная кухонька, ржавые трубы и вечно текущие краны... Починить, подлатать хозяйство не хватает денег, да и привычно ему уже так. Ничего, сойдёт. Жить можно...

Завтрак Степаныча незатейлив — крепкий, слегка подслащённый чай под бутерброд с маслом, да вдобавок рыбные консервы или сосиска из недорогих сортов. Вполне сытно и достаточно. Давно уже он равнодушен к продуктам, не ищет в них плотской радости и какой-то особой питательной ценности. Конец-то, как ни крути, всё равно один будет. Или те, кто каждый день красную икру и ананасы лопают, по-другому в гробу лежат? То-то и оно, что нет. А все эти передачи по телевизору про здоровое питание, понятное дело, для того предназначены, чтобы людям мозги задурить и отвлечь от серьёзных раздумий. Вон в детстве-то, при послевоенной разрухе, жили впроголодь, не считая калории, и нормально. Никто никого не учил, что и как есть, а ели больше то, что приходилось. Но у нынешних молодых здоровье почему-то хуже.

С чашкой в руке подходит Степаныч к книжному шкафу, где на полках теснятся тома русских классиков, и грустно глядит сквозь стекло на резинового медвежонка. Мальчик, подаривший эту игрушку, опять и опять берedit его память и душу...

В половине седьмого он приступает к работе. В его ведении больше дюжины домов с прилегающей к ним территорией — всего лишь один городской квартал, один маленький участок большого фронта, на котором каждое утро происходит битва за чистоту. На этом фронте нет окопов и блиндажей, нет убитых и раненых, но битва носит упорный характер. Потому что каждое утро появляется всё новый и новый мусор, который нужно убирать.

Степаныч, рядовой армии дворников, идёт в атаку с метлой наперевес, он яростно наступает. Ведь вчера здесь всё было чисто после его победы, а сегодня ему предстоит новый бой, где врагу не будет пощады, и бой этот вновь будет выигран.

Технология предельно проста. Мусор сначала собирается в кучки, а затем с помощью ведра перемещается в контейнеры, стоящие в каждом дворе. Позже приедет мусоровоз и доделает дело...

Белгород просыпается, готовясь к новому трудовому дню. По плитке тротуаров стучат каблуками прохожие — их пока ещё немного, но кто-то из них уже бросает на ходу окурки и прочий сор. Степаныч незлобиво ворчит себе под нос, сетуя на бросальщиков. Нет, не потому ворчит, что они работы добавляют. Лишний раз махнуть метлой ему нетрудно. Возмущает другое. Зачем же походя сорить? Неужто так тяжело бумажку свою или ещё там что до урны донести? Ведь вот же они, урны-то! Стоят почти на каждом перекрёстке для всеобщего удобства. Так нет же, не доносят. Бросают где ни попадя, не думая о чистоте родного города. И откуда такая привычка у людей? Почему поступают так?

Вздыхает Степаныч от всех этих дум и вопросов. Нет, он, конечно, за всяким и бычок подметёт, и обёртку от мороженого, и банку пивную подберёт. Дело-то совсем не в этом. Вот если бы мусорить все перестали навсегда, стыдились бы... Разве ж не здорово?..

Степаныч любит свой город. Здесь он родился и вырос, здесь первый раз в жизни влюбился и впервые поцеловал девушку, которую звали Наташей. Да и сам Белгород тоже рос на его глазах, превратившись из небольшого, почти разрушенного войной городка в красивый областной центр, какому можно позавидовать. Так и тянет гулять по его паркам и скверам, по берегам Северского Донца и Везёлки, по пешеходным мостам и там, где высятся новые жилые дома и разные здания, любуясь рукотворными красотами и развевая тоску. Это вдвойне приятней, когда вокруг чистота.

Степанычу работа по сердцу. Нравится ему делать чище и приглядней тротуары и дворы, облачаясь каждое утро в ярко-оранжевый жилет. В этом он видит свою полезность и значимость. Глуп тот человек, кто этого не понимает и считает профессию дворника недостойной. Ведь, если разобраться, без дворников никак не обойтись. Мусор сам в бак не запрыгнет, и кто-то должен его подметать. Если только когда-нибудь в будущем для таких целей специальные роботы появятся, но до этого ещё дожить нужно.

Так что покамест Степаныч, как ни крути, по-своему незаменим. Метла, веник, ведро и совок служат ему безотказно в этом деле уже как два года. Со своим инструментом он обращается бережно и сноровисто, работая точными движениями, без лишней спешки, вдумчиво и важно. Со стороны любо-дорого поглядеть на его работу.

Шаг за шагом, взмах за взмахом, расширяет он плацдарм чистоты, убирая вчерашнее свинство. Его продвижению мешают плотно стоящие во дворе машины — некоторые даже занимают пешеходную часть и газон возле детской площадки.

— Ну что же они так-то? — качает головой Степаныч. — Зачем пакосят самим себе? Э-э-эх...

Возле лавочки у одного из подъездов валяются осколки разбитой пивной бутылки, рядом — целая и пустая. Кто-то здесь вечер коротал, скорее всего, молодёжь. А урна всего в нескольких шагах.

— Бестолковые, — вздыхает Степаныч.

Жалко ему нынешних молодых, некому их хорошему учить, никому они не нужны. Это раньше, при Советской власти, комсомол и партия воспитывали и направляли, думая о завтрашнем дне государства и народа. Сейчас же каждого заботит только его личное, выгодное завтра, и думают все об ином. А плохому ведь и учить не надо — оно само к парням и девчатам быстро пристаёт. Вот отсюда и беды...

Рядом разгуливают голуби, косятся красными глазками на человека, ожидая от него подачки. Степаныч достаёт из кармана горсть семечек и бросает им. Тут же с соседних крыш, как по сигналу, на пиршество слетаются десятка полтора птиц. Они толкают друг друга, громко воркуя и хлопая крыльями.

— Тихо вы, ребятишки, всем хватит. — Степаныч бросает ещё одну горсть.

Кто-то когда-то сказал, что голуби, возможно, — это души умерших детей. Кто знает, может, так оно и есть...

Звонко, раскатисто ухает, потом ещё, затем снова. Это колокол Преображенского собора подаёт свой бронзовый голос, радуя и укрепляя православную душу.

Степаныч трижды крестится, заслышав этот звон. Верит ли он в Бога? В молодости он бы твёрдо ответил, что нет, хотя и крещён был во младенчестве. Но тогда в Советской стране атеистов верили в светлое будущее, и любая прочая вера считалась невежеством и пережитком. А вот теперь, когда незаметно подобралась старость, что-то в Степаныче сдвинулось, как будто кто-то свыше вразумил. Стал в церковь заходить на Рождество и Пасху, иконы дома повесил, Библию приобрёл и почитывает время от времени. Всё чаще начал задумываться о смерти и о вещах, наукой пока необъяснимых. Раньше казалось ему вполне простым и понятным — человек появляется из ничего, путём слияния родительских клеток, живёт и, опять же, уходит в ничто, совершая тем самым особенный круговорот живой материи. И нечего тут придумывать про загробную жизнь или переселение души.

Но чем дольше Степаныч существовал на этом свете, чем больше видел и обдумывал увиденное, тем сильнее в него закрадывалось сомнение. А так ли всё просто? Может, мир ещё слишком мало изучен? Вон и писать об этом стали много, и передачи показывают, где учёные люди умно рассуждают. А если учёные о чём-то таком догадываются, значит, на то есть причина. Ясное дело, всё неспроста...

Бом! Бом!..

Удары колокола служат добрым знаком. Жива ещё Русь, жива назло всем недругам её и завистникам. Держится она, несмотря на многие войны и беды, есть ещё в ней стойкость и терпение. Да, трудно ей нынче, смутные годы опять наступили, и пока что им не видно конца. Много было порушено в горячке, когда слово “свобода” затмило всем разум. Или был это подлый заговор тех, кто мечтал о богатстве и власти. Растащили они всё народное добро, нажились на общем горе и глумятся теперь над простым человеком. Он, Степаныч, презирает всех этих хапуг и предателей, разваливших великую державу. Пусть катятся они со своими миллиардами куда подальше! Здесь им не место...

В одном из мусорных контейнеров копаются мужик лет пятидесяти, косматый и давно не бритый, в замызганной, кое-где порванной одежде.

— Здорово, Степаныч! — приветствует он.

— Утро доброе, Витёк, — отвечает ему дворник.

— Как здоровье?

— Спасибо, помаленьку. Сам-то как?

— Да тоже вроде ничего. По соточке не желаешь? Я угощаю.

— Не искушай душу, — отмахивается Степаныч. — Я до вечера ни-ни.

Принцип такой.

— Ну, как знаешь. Удачного дня тебе.

— И тебе, Витёк.

Они знакомы уже с полгода. Иногда совместно выпивают, разговаривают о жизни. Выяснилось, что есть у них много общего и сближающего. Живёт Витёк с престарелой матерью, нигде не работает. Когда-то имел семью и был сборщиком на заводе, который производил телефоны и радиоприёмники. А когда завод развалили и продали, он сильно запил. Жена подала на развод и выставила Витьку из квартиры. В общем, обычная теперь история...

Степаныч делает перерыв — закуривает и наблюдает за Витьком. Тот достаёт пустые банки из-под пива и разных напитков, сплюсчивает их ногой об асфальт и складывает в большую хозяйственную сумку, чтобы сдать как цветной металл. Какой-никакой, но всё же доход, худо-бедно жить можно. Он ведёт свой мусорный промысел в нескольких ближайших кварталах — это считается его территорией. Степаныч предлагал ему тоже пойти в дворники, но Витёк наотрез отказался.

— Тут я сам себе хозяин, никакого начальства, — привёл он тогда сильный аргумент. — На вышивку деньги у меня всегда имеются, и ладно...

Бац! Одна банка в сумке. Бац! И другая там. Бац!..

Какие-то находки Витёк суёт в свои карманы, видно, надеясь их как-то применить. Добравшись до дна контейнера, он начинает рыться в соседнем.

— У каждого свой смысл в этой жизни, — бормочет Степаныч, — пусть даже и такой...

Окурок погашен, и метла продолжает работу. Вжик! Вжик! Вжик! Меньше мусора — радостней на душе. Ещё один двор очищен, ещё одна победа... А в следующем дворе живут бездомные кошки. Их развелось там в прошлом году около десятка — народили котят уже по осени, пока было тепло. Потом ударили морозы, и все они куда-то пропали, а весной, когда пригрело солнышко, вернулись лишь чёрный кот и его пятнистая подруга — оба худощие, едва живые. Остальные, должно быть, замёрзли или подохли от голода. А эта парочка, ничего, оклемалась и новых котят завела.

У Степаныча с собой для кошек еда — несколько сырых мойв. Он выкладывает рыбу на клочок газеты, а кошачье семейство уже тут как тут, вертится под ногами человека — хвосты трубой, усы вперед.

— Ну-ка, налетай, живность.

Степаныч отходит в сторону и, опершись на метлу, ласково наблюдает за трапезой. Котята — их четверо — с жадностью набрасываются на рыбин, грозно ворча друг на друга. Взрослые животные едят более сдержанно, можно даже сказать, степенно.

— Надо будет себе кота завести, — решает дворник. — Всё ж веселее.

Ему уже приглянулся серенький котёнок — он, вроде как, смышлённей и шустрее, да и покрупней остальных. Явно, что кот...

Была, конечно, у Степаныча и другая жизнь, в которой он работал детским врачом на “Скорой помощи”. Большого дохода эта профессия ему не приносила, но для него деньги никогда не имели какого-то решающего значения. Гораздо важнее ему была радость в глазах ребёнка, которому он помогал одолеть болезнь.

— Спасибо, дядя влач...

Нет и не может быть в этом мире более высокой благодарности, чем эта фраза. Она до сих пор слышится Степанычу, когда он вспоминает за рюмочкой водки прошлое.

А иногда маленькие пациенты дарили ему свои игрушки. В его квартире собралась целая небольшая коллекция таких подарков, самым бесценным из которых был резиновый медвежонок. Мальчик, подаривший медвежонка, потом умер...

Любимая работа была для него самым главным в жизни. Но едва Степанычу стукнуло шестьдесят, его быстро вывели на пенсию: “не соответствует современным требованиям”.

Однажды его вызвал к себе новый главный врач, которого назначили на их станцию откуда-то сверху. Его кабинет был заново обставлен красивой офисной мебелью, судя по всему, стоявшей немало.

— Я рад сообщить вам, что вы уходите на заслуженный отдых, — сообщил молодой и холёный главврач. — Поздравляю.

— Но... я пока не собирался, — растерялся Степаныч.

— Решение принято, — улыбнулся главврач. — Пишите заявление.

— Я что, плохо лечу? — попытался возразить Степаныч. — Разве на меня жалуются?

— Дело не в этом. Просто пришло время новой смены. Уступите дорогу молодым, не мешайтесь, так сказать, под ногами.

— Но ведь молодую смену надо кому-то учить...

— Не беспокойтесь, научим, — заверил новый руководитель. — А вам пора на покой.

— Но... у меня опыт, — продолжал упорствовать Степаныч. — Как же так?

— Извините, но вы, так сказать, пережиток, — начал терять терпение главврач. — Поймите, медицина не стоит на месте, она ушла далеко вперёд, и весь ваш драгоценный опыт уже никому не нужен. Появились новые, более эффективные препараты, а вы их не знаете и не применяете. Это плохо.

— Зачем же людям ваши дорогие лекарства, если есть проверенные старые, которые дешевле? — не сдавался непокорный Степаныч.

— А это не вам решать, — нахмурился главврач. — Мы тут сами разберёмся, как лечить. Лучше не стойте на пути у медицины. — Он махнул рукой, как бы сметая Степаныча с пути идущей вперёд медицины. — Имейте, в конце концов, совесть...

Так он стал познавать новую жизнь, в которой был лишён любимого дела и оказался никому не нужен, потому что ни женой, ни детьми не обзавёлся. Не сложилось что-то, не склеилось с семейным счастьем. Не нашёл Степаныч свою половинку или проглядел её где-то. Ведь встретить человека, который станет тебе родным и близким навсегда, — это та ещё задачка. Немногим здесь везёт, да и те, кому повезло, не все до конца понимают своё везение...

Всё чаще одолевали мысли об одинокой, нищей старости, и тогда он крепко выпивал. Нет, нельзя быть человеку одному на закате лет — страшно это и горько. Так и созрела у Степаныча идея пойти в дворники. Всё ж какая-то помощь к пенсии, да и не так тоскливо — есть хоть чем половину дня занять...

Из ближнего подъезда выходит плотно сбитый, с заметным брюшком, парень лет тридцати — пёстрые штаны по колено, на крепкой шее — золотая цепь, недобрый взгляд, в котором читается презрение ко всем, у кого в руках метла или лопата. На поводке парень ведёт пса бойцовой породы, чем-то похожего на хозяина. В походке парня важная ленца, он всем своим видом словно бы показывает, что ему должны уступать дорогу. От пса его

исходит угроза, он, кажется, только и ждёт команды на кого-нибудь наброситься.

Степаныч часто встречает их в это время и радости от этих встреч не испытывает. Он прозвал недоброго парня Буржуем и не питает к нему приятных чувств, он повидал таких немало ещё в те годы, когда Россией правил пьяный Ельцин. Ему было непонятно, откуда взялось вдруг столько этих самых буржуев — их как будто завезли с какой-то далёкой планеты или вырастили в некоей лаборатории специально для разных бесчинств и лиходейств. Они, эти жутковатые, похожие внешне на людей существа, быстро заполонили города, насадив там свои извращённые порядки и обычаи. Но почему-то другие люди стали на них равняться, сами делаясь всё хуже и хуже...

Буржуи ездят на дорожной машиняке — большой и чёрной, похожей на катафалк. Каждый раз он подходит к ней и с болезненной страстью лобует её со всех сторон, поглаживая, как любимую женщину.

Едва увидев кошек, пёс начинает с хрипом рваться с поводка, глаза его наливаются кровью, выдавая лютую ненависть.

Кошачье семейство мгновенно исчезает в подвальных окошках, этот приём у них, видимо, чётко выработан на подобный случай. Остатки мойвы достаются буржуиному псу, что вызывает негодование в душе Степаныча.

— Чем тебе кошки-то помешали? — качает он головой.

— Не понял, ты кому это? — Парень заметно удивлён репликой какого-то дворника.

— Тебе, тебе. И не тыкай старшим.

— Да ты чё гонишь, в натуре? — ещё больше удивляется Буржуи. — Мети молча.

— А я говорю, не тыкай старшим, — входит в запал Степаныч.

Утро начинается портиться. Да, и в Белгороде есть свои далеко не лучшие жители, как и в любом другом российском городе. Есть, куда ж без них... Летят по улицам на дорогих автомобилях, не пропуская пешеходов, паркуются, опять же, где попало, хамят тем, кто слабее, гадят себе под ноги... Стыдно Степанычу за них, стыдно и за тех, кто в Москве, Санкт-Петербурге или Новосибирске вот так же себя ведёт. Эх, одна ведь страна, дружнее как-то нужно... Почему мудрости не хватает? Знать бы...

— Тебе, дед, проблемы, что ли, нужны?

Буржуи раздражается потоком грубой брани, надвигаясь на тщедушного Степаныча. Этаким крепко сколоченный деревянный человечек, у которого нет мозга, а есть лишь несложный заводной механизм, умеющий говорить некие определённые слова и фразы. Его ручки-манипуляторы могут только ловко всё хватать и тянуть к себе. Кто ж его создал и с какой такой целью?

Пёс готов вцепиться в горло и рвать, едва только прикажет хозяин. А команда вот-вот прозвучит — это видно по бешеному взгляду деревянного человечка. Нет, собаки злыми не рождаются, их делают такими люди.

Степаныч крепче сжимает метлу, готовясь принять неравный, но решительный бой. Не отдаст он родной город на поругание никаким злым силам, не отступит. Нельзя ему отступать!

— Убери зверюгу, сопляк, — тихо говорит он и сам не узнаёт своего голоса.

На скулах Буржуи играют желваки, он, без всякого сомнения, легко ударит и старика, и женщину, неважно — кого, лишь бы доказать своё превосходство, лишь бы никто ему не перечил.

— Ну всё, ты меня достал, — рычит владелец чёрной машиняки. Он сам уже похож на зверя, которому неведомы сочувствие и жалость.

— Попробуй, сунься. Давай. — Степаныч по наитию прибегает к хитрости. — У меня сын в милиции работает. Он тебя, если что, из-под земли достанет.

Во взгляде Буржуи появляется неуверенность. Понятно, что с милицией он дел иметь не хочет. А вдруг дед не врёт? Кто его знает...

Пёс нервно поглядывает на хозяйина, ему не терпится вцепиться во врага.

— Мараться о тебя неохота, — цедит сквозь зубы Буржуй. — Сам скоро загнёшься. — От злобного бессилья он опрокидывает ногой ведро с мусором и одёргивает питбуля. — Фу, Нельсон. Пойдём...

Зверо-человечья парочка скрывается за углом дома, а Степаньч достаёт из кармана “Приму” и закуривает, пытаясь успокоиться.

— Довёл, злодей, до белого каления... — Он вздыхает и качает головой. — Надо же...

В подвальном окошке появляется кошачья мордочка, затем серый котёнок, видимо, самый смелый и любопытный, спрыгивает на землю и пугливо озирается по сторонам.

— Не бойся, ушли они. Ушли...

Стычка с Буржуем быстро забывается. Не стоит никудашными людишками голову забивать. Плохо то, что всюду они попадают, без них никак. Но ничего не поделаешь, время нынче такое неприглядное. Остаётся надеяться, что когда-нибудь всё переменится, и они, у кого вместо души — заводной механизм, а вместо сердца — кошелёк, переведутся.

Через пару минут Степаньч продолжает своё дело — метёт следующий двор, там тоже мусора хватает.

— Доброе утро! — здоровается с ним молодая, приятной наружности женщина.

Она ведёт за руку мальчугана лет пяти, лопоухого и курносого, сразу видно, того ещё сорванца.

— И вам доброе, — отвечает Степаньч.

— Вот видишь, Серёжа, — обращается женщина к сынишке, — дяденька дворник каждое утро за тобой мусор убирает, чтобы во дворе чисто было. Скажи ему спасибо.

— Спаси-ибо, — говорит мальчуган и шмыгает носом.

— Не будешь больше мусорить?

— Не бу-ду...

Приятно Степаньчу от таких слов, приятно, что его дядей назвали, а не дедом. Эх, побольше бы таких хороших матерей, чтобы учили детей уму-разуму, а не глупостям всяким.

Улицы постепенно заполняются спешащими на работу людьми. В этом движении есть что-то грандиозное и волнительное. И Степаньч осознаёт свою причастность к одному большому, всеобщему трудовому процессу, без которого невозможно развитие страны. Он, дворник, как и любой другой, тоже необходим в этом процессе, его метла тоже помогает развитию.

Ну, вот и всё. Чистота наведена, везде теперь царит образцовый порядок. Можно и передохнуть. Скоро прибудет мусоровоз и опорожнит контейнеры при помощи специальных захватов-подъёмников. Придумал же кто-то такие механизмы, облегчил человеку труд. Спасибо ему за это...

Довольный проделанной работой, Степаньч курит на лавочке, вспоминая молодую женщину, пожелавшую ему доброго утра. А утро-то и в самом деле доброе. Щурясь от яркого солнца, дворник смотрит в небо. Оно безоблачное и синее-синее...